

ВЕКТОРНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ

Анотація. Стаття присвячена аналізу російських та угорських дієслів, утворених за допомогою префіксів у різних директивних значеннях від мотивуючих (не префіксальних) дієслів – назв типових різновидів та засобів самостійного (контрольованого) пересування живих істот. Вивчається роль таких факторів, як «концептуально-прагматична оцінка руху», «можливість характеристики руху по параметру *векторний / невекторний*», які регулюють префіксальну валентність мотивуючих дієслів в обох мовах.

Ключові слова: концептуалізація пересування, префіксально-директивні маркери.

К постановке вопроса. Директивно-векторная характеристика перемещения различных типов и видов с помощью префиксов в различных языках целиком антропометрична и представляет собой интересную проблему контрастивной лингвистики. Однако она почти не изучена: крупных работ системного характера, охватывающих значительный фактический материал, насколько нам известно, здесь не имеется. Поэтому любые исследования в соответствующей области сопоставительного словообразования вряд ли утратят в ближайшее время актуальность и информационную ценность, будучи органически связаны с современной парадигмой когнитивной лингвистики, ориентированной на описание различных систем этноязыковой концептуализации и категоризации реалий объективного мира, т.е. на описание ЯКМ у разных этносов. Особый интерес в этом плане представляет контрастивный анализ коррелятивных явлений в не похожих и не родственных языках, какими являются русский и венгерский (далее – РЯ и ВЯ). Словообразованию же в таком анализе принадлежит важнейшее место, ибо оно, согласно Е.С. Кубряковой, «участвует прежде всего в наречении мира. Производные фиксируют человеческий опыт и отражают существующую в голове человека картину мира. Вместе с тем словообразование само способствует определенному членению этой картины, реагируя на все осознаваемые в ней изменения и содействуя выделению и описанию в КМ новых кусков и фрагментов» [6: 41]. Сходное мнение высказывается и другими учеными: «Словообразование не в меньшей степени, чем процессы семантической деривации, участвует в создании той своеобразной ЯКМ, которая особенно явно предстает при сопостави-

тельном исследовании лексических систем языков» [14: 115]. Словообразование даже вообще может быть главной базой в классификации языков [16: 8]¹.

Объект исследования. Объектом этого исследования являются префиксальные глаголы РЯ и ВЯ, называемые основными (базовые, типичные) виды и способы самостоятельного, т.е. контролируемого и направленного, перемещения живых существ, образованные от мотивирующих бесприставочных глаголов в их прямом и переносном значении перемещения. Однако если значение перемещения у производного глагола вторичное, т.е. возникает после присоединения префикса (типа *прогудеть, просочиться*, мотивирующие которых *гудеть, сочиться* не имеют значения движения), то такие глаголы здесь не рассматриваются: это отдельный вопрос. Не привлекались для анализа также такие русские и венгерские префиксальные глаголы самостоятельного перемещения, в которых идея векторности отодвинута на задний план, а ведущими в содержании являются иные семантические компоненты: 'объект-локум' (*наехать, наступить, rálép*² – на что-л.) или 'на много мест' – с семой множества объектов (*обойти, объехать, bejár, beutazik* и др.) или субъектов, участвующих в движении (*сбе-*

¹ В контексте приведенных взглядов (по нашему мнению, целиком обоснованных) вызывает недоумение игнорирование словообразования в качестве одной из языковых подсистем «как источников информации о национальном складе мышления и национальном характере» в одном из недавних исследований, ср.: «под ЯКМ мы все-таки понимаем лексическую, а точнее – лексико-фразеологическую систему языка, сознательно выводя за ее пределы все остальные разделы» [4: 106]. Автор данной статьи не разделяет эту точку зрения.

² Венгерские глаголы здесь и далее приводятся в форме 3-го л. ед. ч., т.к. это обычная практика венгерских ТС.

жаться, сойтись, слететься, разойтись, разлететься, разъехаться, összemegy, összeszalad, szétrepül, szétfut и др.).

Уточним, что под самостоятельным перемещением мы имеем в виду не только перемещение без привлечения каких-л. дополнительных средств (*идти, бежать* и др.), но и с их использованием – механических транспортных средств (автомобиль, велосипед и мн.др.), приспособлений (сани, лыжи), животных (лошадь, осёл и др.). Данный вид перемещения стандартно обозначается глаголом *ехать* и, разумеется, в этом случае речь может идти только о перемещении людей как активных манипулирующих субъектов, контролирующих и направляющих работу этих средств, т.е. осуществляющих «произвольные движения, исходящие от активного субъекта действия» [3: 114].

Факторы префиксальной валентности мотивирующих глаголов движения. Важным фактором, регулирующим присоединение русскими глаголами движения приставок с директивными словообразовательными значениями (СЗ)³, является семантика однонаправленности/неоднонаправленности, которая у русских глаголов тесно связана с понятием предельности/непредельности: неоднонаправленные, невекторные глаголы непредельны, тогда как однонаправленные – предельны [1: 267] и включаются в качестве подвида в разряд результативно-пантивных глаголов «со значением действий, направленных на достижение полного результата путем постепенного (часть за частью) осуществления разового (длительного) или прерываемого действия» [15: 74]. Ср. также: «Присоединение приставки <...> часто вносит (или подчеркивает) значение предельности» [9: 21-22].

Префиксы с директивным (векторным) значением в обоих языках свободно присоединяют многие глаголы, уже заключающие в себе идею однонаправленного (векторного) и не охарактеризованного по кратности движения: *бежать, идти, лететь* и т.д. Но сказанное справедливо и для ряда русских глаголов с семантикой неоднонаправленного и/или некротного движения, содержание ко-

торых выражает вообще способность к тому или иному виду перемещения, таких, как *летать, ходить, бегать* и др., и которые составляют оппозицию первым по признаку «векторность/невекторность». Необходимо, однако, заметить, что члены глагольных пар *идти – ходить, бежать – бегать, лететь – летать* обозначают такие типы движения, с которыми человек сталкивается каждый день – участвует в них сам, как в первых двух, или наблюдает у птиц и насекомых. Это – **типичное** перемещение для него как духовного универсума и биологического организма, чья главная среда обитания земная твердь. Это перемещение, которое имеет первостепенное значение в его повседневной жизнедеятельности и которое, поэтому, в первую очередь должно фиксироваться средствами языка. По этой причине глаголы в этих парах имеют полную префиксальную парадигму директивных СЗ. Не редким и довольно часто наблюдаемым, хотя и не каждый день и далеко не у всех биологических организмов, живущих на суше, типом перемещения является ползание. Поэтому глаголы в оппозиции *ползти – ползать* также обладают полной парадигмой директивных приставок. С другой стороны, движение, обозначаемое глаголами *прыгнуть* или *лезть*, не является основным типом перемещения ни для человека, ни для многих представителей фауны, которых он наблюдает в повседневной жизни. Соотв., обозначение этих видов перемещения векторно не ориентированными глаголами *лазть* и *прыгать* не получает префиксально-векторной характеристики.

Однако в ВЯ у глаголов перемещения подобной семантической оппозиции, т.е. «векторность/невекторность», нет, а это значит, что акт присоединения глаголом префикса с директивным значением в РЯ и ВЯ функционально не один и тот же. В ВЯ прибавление директивных превербов⁴ к мотивирующим глаголам перемещения фактически конституирует у них директивную семантику, независимо от того, совершается ли это перемещение один раз в определенном направлении или происходит неоднократно (и) по многим направлениям. В РЯ директивные значения присоединяемых приставок дополнительно маркируют у мотивирующих глаголов идею направленности (векторности) перемещения, уже имеющуюся у них, во-1х, а во-2х, непосредственно (эксплицитно) выражают разную его направленность в производных глаголах. Далее, прибавление приставок перфективирует глаголы: в РЯ это является их «основной категориальной функцией» [12: 84] в морфологии, и благодаря ей приставки воспринима-

³ По поводу трактовки словообразовательных формантов как экспликаторов СЗ мнения лингвистов расходятся. Так, Е.С. Кубрякова утверждает, что они не могут быть носителями СЗ: «взятый сам по себе, деривационный формант не определен по значению» [5: 133]; но далее она оговаривает, что «он оказывается всегда носителем только части этого значения» [там же: 139]. В более поздней работе наличие у формантов собственных СЗ ею вновь отрицается [7: 10]. Противоположное мнение высказывает И.С. Улуханов: «аффиксы (как и другие значимые единицы языка) имеют значение вне контекста» [13: 102], т.е. выступает носителем СЗ. Мы придерживаемся этой точки зрения и считаем возможным утверждать, что русские и венгерские глагольные префиксы (приставки и превербы) выступают в обоих языках в роли формантов, одновременно эксплицирующих и обладающих перечнями собственных различных СЗ, в том числе и директивных.

⁴ Что касается разных терминологических обозначений глагольных префиксальных формантов, то в данной работе не проводится последовательное и принципиальное разграничение русских глагольных приставок и венгерских превербов, хотя различия между ними довольно существенны (об этом см., например, наше исследование [2]).

ются в первую очередь как средство выражения грамматического значения СВ. Превербь, по мнению отдельных исследователей, тоже «имеют сильную перфективирующую функцию» [17: 75], несмотря на то, что в ВЯ отсутствует морфологическая категория вида, подобная русской; ибо «у венгров нет установки на вид» [8: 70]. Так что и здесь русские глагольные приставки и венгерские превербь функционально различаются.

Итак, русские и венгерские коррелятивные глаголы, называющие базовые виды самостоятельно-го перемещения (русские – однонаправленные), чаще всего, имеют полную словообразовательную префиксальную парадигму директивно-векторных значений. Это, в частности, *идти – megy, бежать – fut, лететь – repül, прыгнуть – ugrik*. Ср.: *войти – betegy, выйти – kimegy, войти – felmegy, дойти – odamegy, подойти – hozzámegy, уйти – elmegy, сойти – lemegy* и т.д.; *вбежать – befut, выбежать – kifut, добежать – odafut, обежать (‘вокруг’) – körülfut, омбежать – elfut, перебежать – átfut, убежать – elfut* и т.д.; *влететь – bererül, вылететь – kirepül, облететь (‘вокруг’) – körülrerül, отлететь – elrepül, перелететь – átrepül, пролететь* (1. ‘сквозь, через’/ 2. ‘мимо’) – *át/elrepül* и т.д.; *впрыгнуть – beugrik, выпрыгнуть – kiugrik, отпрыгнуть – félreugrik, перепрыгнуть – átugrik* и т.д.

Языковые расхождения в префиксальной валентности и их причины. Не все из основных типов перемещения, называемых мотивирующими глаголами в ВЯ, получают столь же разнообразную векторно-префиксальную характеристику, как в эквивалентных мотивирующих глаголах РЯ. Напр., префиксы, присоединяемые глаголом *úszik* «плыть/плавать», выражают меньше половины (5) директивных СЗ, представленных русскими приставками: *elúszik – доплыть, körülúszik – выплыть, úszik – переплыть, kiúszik – выплыть*. Прочие векторно-директивные характеристики у глагола *nyit*, которые выражаются также с помощью приставок, в ВЯ применительно к глаголу *úszik* передаются описательным способом. Здесь интересно отметить, что [19] дает префиксальное соответствие в виде *odaúszik* для русских глаголов *заплыть* (СЗ ‘куда-л.’), *приплыть, подплыть* (СЗ ‘приблизиться’), которое отсутствует в [18] и даже в [21]. Глагол *kúszik* «ползти/ползая», по данным словарей [21], присоединяет всего 2 преверба: с СЗ ‘вверх’ (*fel-*) и с СЗ ‘от/с одного места к/на другое через что-л.’ (*át-*) – в соответствующем русском глаголе 13: *вползти, вы~, до~, за~, пере~, про~, у~* и т.д. Превербь, принимаемые глаголом *mászik* «лезть/лазая», не отражают трех СЗ из тех, что представлены в РЯ приставками: ‘достигнуть’ (*do-*), ‘приблизиться’ (*pru-*) и ‘вниз’ (*pod-*). Поневоле напрашивается вывод, что концептуализация этих видов перемещения венгерским языковым сознанием в плане векторной параметризации в той или иной степени «ущербна» по сравнению с корреля-

тивными их обозначениями в РЯ, хотя и трудно сказать, почему: ибо суть процессов ползания, лазания и плавания остается, естественно, одной и той же и для русских, и для венгров. Остается предположить, что эти процессы приобрели в повседневной жизни обоих этносов в процессе их истории разную значимость и место, возможно, по причине разных географических условий их существования, т.к. «географические особенности оказывают весьма заметное влияние на тот или иной язык» [10: 106].

Определенную или даже немаловажную роль здесь, очевидно, играет также степень наблюдаемости субъекта, осуществляющего перемещение. Так, действия, названные базовыми глаголами *идти, бежать* и *лететь* (= *megy, fut, repül*), человек без труда может воспринимать бесчисленное число раз изо дня в день, поскольку все они самостоятельно осуществляются живыми существами, а два из них – им самим. И неудивительно, что идея директивной характеристики этих действий возникает логично и естественно. «Исконный», так сказать, субъект перемещения, названного глаголом *плавать/плыть*, становится наблюдаемым, если его извлечь из воды путем специальных приспособлений (сети, удочки и т.п.) из его среды обитания. Плавание, разумеется, не относится к числу важнейших процессов, формирующих образ жизни современного человека, как и умение плавать характерно далеко не для всех людей, в связи с чем у векторно не охарактеризованного глагола *плавать* закономерно отсутствует валентность для приставок-характеризаторов с векторно-директивным значением. Однако условия существования предков современных русских были связаны с обилием водных пространств, игравших в их жизни первостепенную роль не только источника пищи, но и места обитания и/или пути сообщения, которые для нормального существования необходимо было как следует освоить. Прагматически «маркированный» и содержащий сему векторности процесс *плыть*, таким образом, мог стать таким же значимым в повседневной жизни, как бег и хождение, что и нашло отражение в его разветвленной векторной характеристике посредством префиксов со значением конкретного направления движения.

Полную словообразовательную префиксальную парадигму директивных СЗ имеет и векторный однонаправленный глагол *exat* (с помощью механических средств передвижения), поскольку соответствующее направленное перемещение занимает сегодня едва ли меньшее место в жизни человека, чем передвижение с помощью ног. Вместе с тем это перемещение стало общедоступным и приобрело такую значимость в его активной деятельности не так давно, причем не по причине биологических, а в силу социально-экономических и научно-технических факторов; вследствие этого векторно не ориентированный глагол *ездить* также не присоединяет приставок с дирек-

тивными СЗ. В провербах же, присоединяемых венгерским эквивалентом обоих этих глаголов (*exatъ/ездитъ*) *utazik*, выражается менее половины СЗ по сравнению с русскими приставочными глаголами, образованными от *exatъ*: *beutazik* – «въехать, заехать»; *fel~* «въехать»; *át~* 1) «переехать», 2) «проехать»; *le~* «съехать»; *el~* «уехать». Дело, однако, в том, что в ВЯ глагольные обозначения способов перемещения с помощью ног (*идти*) или транспортного средства (*ехать*) не противопоставлены друг другу столь же принципиально, как в РЯ. Во множестве случаев для обозначения процесса езды в ВЯ широко используется глагол *megy*, примарное значение которого – *идти*, т.е. ‘передвигаться с помощью ног’, но его конкретный «пеший» или «транспортный» смысл идентифицируется говорящими из ситуации. Ср.: *Csütörtökön rendszeresen nem megyek munkába* «По четвергам/в четверг я обычно не хожу/не езжу на работу». Иначе, т.е. не указав точно способ передвижения, в данной ситуации сказать по-русски нельзя. Правда, имеется ряд ассоциативных нюансов, с которыми связана эта ситуация в стандартной речевой практике. Так, если имеется в виду движение на работу в том же населенном пункте (районе), то обычно для в этом случае говорящий использует глагол *идти*, даже если большую часть пути он проделывает на транспорте; однако если его работа находится в другом городе, куда невозможно добраться пешком, то, скорее всего, будет выбран глагол *ехать*, а не *идти*.

Глагол *скакать* в смысле ‘передвигаться верхом на лошади’ обозначает не самостоятельное по своей природе перемещение, а передвижение с использованием добавочного средства, и по этой причине входит в РЯ в семантическое поле глагола *ехать*. Лошадь с древних времен выступает таким же «проводником» активных действий **манипулирующего**, управляющего субъекта-лица, как сегодня велосипед, мотоцикл, автомобиль и т.д., через которые непосредственно осуществляется движение (ср. *езда/ехать на лошади, велосипеде, машине*). Однако глагол *скакать* не образует оппозиции по признаку однонаправленности/разнонаправленности перемещения и, видимо, по этой причине его директивная префиксальная парадигма реализована не полностью: так, в ТС [20] не отмечается глаголов со значением направления *заскакать* (‘куда-л.’), *отскакать* (‘в сторону’), *перескакать* (‘через что-н. куда-л.’), *соскакать* (‘вниз’). Соответствующие направления, впрочем, без затруднений выражаются посредством этих приставок, присоединяемых более широким по значению глаголом *ехать*: *заехать*, *отъехать* и т.д. в контексте с ключевыми словами, указывающими на то, что речь идет о перемещении верхом на лошади, напр.: *Всадники заехали в пустую усадьбу*.

Соответствующие русскому глаголу *скакать* венгерские *vágtat* и *nyargal* также присоединяют

превербы лишь с отдельными директивно-векторными СЗ. Так, нами зафиксированы лишь глаголы *benyargal* «вскакать», *ki~* «выскакать», *el~* «ускакать; проскакать мимо», *le~* «быстро съехать на лошади вниз с чего-н.» [21]. Еще меньше превербов присоединяет глагол *vágtat*: *bevágtat*, *ki~*, *el~* ‘прочь’ [21]. Он, впрочем, специфицирован по значению в сравнении с *nyargal* и обозначает «передвигаться галопом» [21: 1454] (от *vágtá* «галоп»). Имеющийся в ВЯ «нейтральный» в смысле аллюра глагол *lovagol* «ехать верхом на лошади» не является точным семантическим соответствием русскому *скакать*, т.к. не имеет семы ‘большая скорость’, которая присутствует в *скакать*. Но и этот венгерский глагол сочетается лишь с двумя превербами, СЗ которых означают движение внутрь и наружу: *belovagol*, *kilovagol*. Приведенные факты столь ограниченной сочетаемости приведенных глаголов с директивными превербами выглядят весьма странно, поскольку лошади в жизни венгерского этноса всегда отводилось большое место, в том числе и как средству передвижения, так что логично было бы ожидать, что соответствующие глаголы получают разветвленную директивно-векторную префиксальную характеристику.

Отдельную корреляцию среди глаголов не охарактеризованного по признаку «векторность» перемещения составляют русский глагол *ходить* и его венгерский эквивалент *jár*, которые без ограничений взаимодействуют со многими префиксами директивной семантики, и это естественно, т.к. данный способ перемещения является самым натуральным для человека. Правда, русский глагол имеет полную словообразовательную префиксальную парадигму директивных значений, в то время как *jár* не присоединяет превербы со значением ‘в сторону’ (*el-, félre-*) и ‘приблизиться’ (*ide-, oda-*). Данные значения с помощью указанных префиксов передаются другими венгерскими глаголами – *lép* «шагать/шагнуть» и *jön* «прийти/приходить»: *félrelép* «отшагнуть, отступить» и *ide/odajön* «прийти/подойти ко мне, говорящему, или в другое означенное место».

Специфические особенности. Особенность ВЯ по сравнению с РЯ – то, что в ВЯ есть глаголы, образованные от названий транспортных средств, приспособлений, задействованных активным субъектом для своего передвижения. Этим глаголам в РЯ соответствует конструкция «ехать/ездить на транспортном средстве, названном мотивирующим именем»: *biciklizik* (< *bicikli* «велосипед»), *kerékpározik* (< *kerékpár* – то же), т.е. «ехать/ездить на велосипеде»; *motorosozik* (< *motoros* «мотогонщик», т.е. имеет место образование глагола от иного мотивирующего и сужение его значения), *vonatozik* (< *vonat* «поезд»), *villamosozik* (< *villamos* «трамвай»), *szekerezik* (< *szekér* «телега»), *kocsizik* (< *kocsi* «повозка, автомобиль»), *siel/sízizik* (< *si* «лыжи»), *hajózik* (< *hajó* «пароход»), *taxizik* (< *taxi* «такси»), *szánkózik* (< *szánkó* «сани»),

szánkázik ('для развлечения, удовольствия' – спецификация значения), *autózik* (< *autó* «машина, автомобиль»), *autókázik* ('для развлечения, удовольствия' – та же спецификация значения), *csónakázik* (< «лодка»), *lovagol* (< *ló* «лошадь»).

Это, впрочем, не имеет характера жесткой закономерности, поскольку в ВЯ нет, например, глаголов **földalattizik* (< *földalatti* «метро»), **autóbuszik* (< *autóbusz* «автобус»), **trolibuszik* (< *trolibusz* «троллейбус»). Нет в ВЯ мотивирующего слова со значением средства перемещения для глагола *repül* «лететь/летать» в смысле «лететь на самолете»: данное значение появилось у этого глагола путем расширения его семантической парадигмы (как, впрочем, и у русского *лететь*). Нет в ВЯ и глаголов, образованных от названий отдельных животных (кроме *ló*), которые могут служить средством передвижения: *teve* «верблюд», *elefánt* «слон», *szamár* «осёл» и др. – очевидно, потому, что для европейцев использование их в этом качестве для повседневной жизни не характерно. Из вышеупомянутых венгерских глаголов, включающих в свою семантику объекты (типа *kocsi*), используемые в качестве средств перемещения, префиксы присоединяют далеко не все (только 5) и не во всем возможном разнообразии директивной семантики. Так, преверб *be-* (СЗ 'внутри') присоединяют глаголы *hajózik*, *lovagol*, *repül*; *át-* 'через предмет/пространство' – глаголы *hajózik*, *kocsizik*, *repül*; *el-* 'прочь, от' – *hajózik*, *repül*; *ki-* 'наружу' – *hajózik*, *repül*, *lovagol*, *kocsizik*. По какой-то причине идея векторной параметризации во всем массиве перечисленных глаголов с семей 'средство передвижения', связывается венгерским языком именно с этими 5 глаголами и с указанными СЗ, прочие глаголы такой характеристики не поддаются (или ВЯ не считает необходимым это делать). Но интересно, что глагол *hajózik* «плыть/плавать на парохоме» присоединяет все 4 указанных преверба, хотя Венгрия – не морская держава (правда, имеет выход к морю через Дунай), в связи с чем вполне логично полагать, что данный способ перемещения в повседневной жизни этноса не является актуальным и естественным.

Еще одна отличительная черта венгерской системы глагольных префиксов – то, что ней есть специфические превербы с директивными СЗ, для которых в РЯ не находится приставочных эквивалентов. Это, напр., превербы *elő-*, *előre-* 'вперед' и *vissza-* 'назад' – эквивалентная параметризация перемещения русскими глагольными приставками не передается, она не актуальна для русского концептуально-языкового поля 'перемещение'. Это, конечно, не означает, что соответствующие понятия или идеи не могут быть переданы по-русски. Венгерским глаголам с этими превербами в РЯ соответствуют аналитические (описательные) конструкции⁵. Но далеко не все венгер-

ские глаголы перемещения присоединяют данные превербы. В первую очередь это глаголы, называющие базовые (типовые) разновидности перемещения, но не только. Больше всего из них присоединяют преверб *vissza-*: *visszajár*, *~fut*, *~jön*, *~megy*, *~repül*, *~rohan*, *~lép*, *~sétál*, *~szalad*, *~özönlik*, *~lopózik/lopakodik*, *~csúszik*, *~ugrik* и нек. др. С превербом *elő-*: *~all* «выйти вперед», *~jön* «выйти (и стать видимым)», *~lép* «выступить вперед», *~pattan/ugrik/rohan* «выскочить вперед», *~tódul* «толпой рваться вперед». С превербом *előre-*: *~fut/szalad* «выбежать вперед», *~megy/jön* «выйти вперед», *~ugrik* «выскочить, выпрыгнуть вперед».

Немаркированные по признаку «векторность/невекторность» глаголы перемещения. В основной объект нашего сопоставительного исследования не вошли глаголы, хотя и содержащие идею векторности перемещения, но не подразумевающие конкретный тип или вид перемещения как таковой – пеший, по воде или по воздуху либо с помощью транспортного средства. Это, например, русские глаголы *гулять*, *вернуться*, *двинуться*, *гнаться*, *догнать*, *настигнуть*, *путешествовать*, *кочевать*, *преследовать*, *добраться*, *мигрировать*, *навестить*, *посетить*, *проникнуть*, *попасть*, *рыскать*, *метаться* и под. Директивные приставки они присоединяют спорадически в единичных случаях, напр., глагол *кочевать*: *от~*, *пере~*, *при~*, *у~*. Немного выше словообразовательная активность у родового названия перемещения всякого вида – глагола *двигаться/двинуться*: *вы~*, *ото~*, *пере~*, *подо~/при~*, *про~*, *с~* (эта приставка с данным глаголом не имеет значения 'вниз', как во всех рассмотренных выше примерах, но реализует СЗ 'переместиться на др. место').

Однако венгерские эквиваленты некоторых из этих глаголов не испытывают столь же жестких ограничений в своей словообразовательной валентности, напр.: *vándorol* «странствовать, путешествовать; кочевать» → *be~* «въехать на ПМЖ в др. страну», *ki~* «эмигрировать» (в этих двух случаях имеет место модификация и сужение значения производных глаголов); *el~/át~* «перекочевать, переселиться»; *sétál* «гулять, прогуливаться» → *át~* «гуляя, перейти», *be~* «~войти», *el~* «~уйти», *fel~* «~взойти», *le~* «~сойти», *ki~* «~выйти», *végig~* «~дойти»; *vonul* «двинуться/двигаться, идти массой» → *be~* «войти массой», *fel~* «подняться ~», *ki~* «выйти ~», *el~* «удалиться ~», *le~* «спуститься ~», *át~* «перейти ~», *végig~* «пройти ~»; *látogat* «посетить, навестить» → *be~* «зайти навестить кого-н.», *el~* «отправиться навестить /посетить кого-н.», *ki~* «навестить/посетить кого-л., живущего в отдалении», *fel~* «навестить/посетить кого-л., живущего в центре или в возвышенной местности», *le~* «навестить/посетить кого-л., живущего в провин-

⁵ Б.А. Серебrenников отмечает, что если речь заходит о различиях в некоторых понятиях для разных народов, то

«под этими понятиями следует иметь в виду лишь те, которые выражаются одним словом на том или другом языке» [11: 210].

ции или в низинной местности»; *jut* «проникнуть, попасть, добраться» → *át-/keresztül-/túl~* «проникнуть, попасть, добраться куда-н. через что-л.», *be~* «~внутри», *el-/ide~* «~сюда, ко мне», *fel~* «~вверх», *ki~* «~наружу», *le~* «~вниз», *hozzá~* «~к чему/кому-л.», *oda~* «~туда».

Чрезвычайная словообразовательная активность глагола *jut*, присоединяющего все основные превербы с директивным значением, возводит его в ранг родового наименования самостоятельного перемещения в ВЯ. У русского родового названия перемещения *двинуться* эта активность ниже: он не присоединяет приставки с СЗ 'внутри', 'вниз', 'вверх'. Валентность же его венгерских эквивалентов *halad*, *mozog* и *mozdul* превербами в директивных СЗ не подчиняется никакой закономерности: *kimozdul* «выдвинуться», *át/keresztül/túlhalad* «непредвинуться», *elmozdul* «1) отодвинуться; 2) сдвинуться», причем применительно к живому субъекту данный преверб во втором значении означает удаление, покидание данного локума (*уйти, выйти*, ср.: *Я не сдвинул с места!* = 'я не уйду'), а к неживому – изменение своего местоположения (*Картина сдвинулась*); *előremozdul* ≈ «продвинуться». Венгерский глагол *végighalad*, в котором преверб *végig-* эквивалентен русской приставке *до-*, вообще не имеет русского соответствия-универба (**додвинуться* – ?).

Выводы. Значительная разница между префиксальными парадигмами русских и венгерских глаголов, называющих основные типы и способы перемещения, пестрота словообразовательных формантов и прихотливость сочетаемости с ними отдельных глаголов являются, по нашему мнению, безусловным доказательством различной концептуализации соответствующих конкретных видов перемещения в ЯКМ обоих этносов в плоскости морфологического словообразования.

По нашему мнению, чем свободнее и активнее присоединяет префиксы с векторно-директивным значением мотивирующий глагол перемещения, тем четче, определеннее, «прочнее» концептуализи-

рован и закреплен данный вид перемещения в языковом сознании этноса, тем он значимей и актуальней в повседневной жизнедеятельности данного этноса.

Сочетаемость глаголов самостоятельного перемещения с теми или иными префиксами в директивных СЗ зависит в обоих языках от двух факторов: во-первых, от этнопсихологической концептуальной квалификации и оценки отдельных типов и видов перемещения, а во-вторых, от организации соответствующего семантического универсума формально-языковых характеристик. Первое – это степень значимости данного вида перемещения в повседневной жизнедеятельности этноса, его типичность (распространенность, наблюдаемость); второе – актуальность для языка признака 'однонаправленность/неоднонаправленность движения'. Статус этих характеристик перемещения в обоих языках неодинаков. В РЯ они находятся в отношениях иерархии или прямой зависимости: чем выше индекс первой, тем вероятнее присоединение директивных приставок как векторными, так и не векторными глаголами. В ВЯ, где данная оппозиция отсутствует или, по крайней мере, для него не актуальна (исключение разве что пара *megy – jár*), присоединение превербов регулируется исключительно семантикой конкретного типа и вида перемещения, значимость которых может иметь иную оценку по сравнению с РЯ.

За пределами предпринятого здесь анализа антропометрической директивной параметризации русских и венгерских глаголов самостоятельного перемещения остался вопрос о функциональном потенциале конститутивных семантических компонентов в названиях отдельных видов перемещения в обоих языках как факторе сочетаемости данных глаголов с векторно-директивными префиксами. Не получила освещения также стилистическая окрашенность мотивирующих глаголов перемещения в обоих языках как фактор их префиксальной валентности. Однако это уже материал другого исследования, и на этом мы закончим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н.С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Виноградов А.А. Префиксация в русском и венгерском языках (внутриглагольное словообразование) / А.А. Виноградов. – Ужгород, 1988. – 185 с.
3. Копорская Е.С. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса / Е.С. Копорская // Словарь. Грамматика. Текст / РАН: Отделение литературы и языка. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 1996. – С. 112-120.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
6. Кубрякова Е.С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом описании словообразовательных систем славянских языков / Е.С. Кубрякова // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 39-46.
7. Кубрякова Е.С. Формальная и содержательная характеристики производного слова / Е.С. Кубрякова // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: Мат-лы III республ. конф. – Гродно, 1990. – С. 3-12.

8. Ласло Д. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской / Д. Ласло. – Будапешт: Танкёньвкиадо, 1984. – 263 с.
9. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании / Ю.С. Маслов // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С. 7-32.
10. Попко Л.П. Неологизация в языке как трансляция культурно-лингвистической ментальности / Л.П. Попко. – К.: ГАРККИИИ, 2007. – 360 с.
11. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
12. Соколов О.М. Принципы компонентной семантической характеристики русских глагольных префиксов / О.М. Соколов // Сопоставительная и описательная лингвистика. – М.: Наука, 1987. – С. 83-97.
13. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
14. Харитончик З.А. О некоторых путях сопоставительного изучения словообразовательных систем / З.А. Харитончик // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 111-116.
15. Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности / М.А. Шелякин // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 63-85.
16. Anderson S.R. Typological distinctions in word formation / S.R. Anderson // Language typology and syntactic description. – VIII: Grammatical categories and the lexicon. – Cambridge, 1985. – P. 3-56.
17. Papp T. The relationship between verbal aspect and verbal character in Hungarian / T. Papp // Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Uralica et Altaica Upsaliensia. – V. 19: Proceedings of the 2nd Scandinavian symposium on aspectology. – Uppsala, 1989.

СЛОВАРИ

18. Венгерско-русский словарь / отв. ред. Л. Гальди. – М.: Изд-во АН СССР; Будапешт: Издание Академии наук Венгрии, 1974. – 1116 с.
19. Гальди Л. Русско-венгерский словарь / Л. Гальди. – Budapest: AK, 1974. – 1116 old.
20. Словарь русского языка: В 4-х томах / Гл. ред. 2-го изд. А.П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Русский язык, 1985-1988.
21. Magyar értelmző kézisztár / Lekt. J. Garamvölgyi. – Budapest: AK, 1972. – 1550 old.

Anatolij Vinogradov

Vector-parametrization of moving in Russian and Hungarian prefixal verbs

Summary. The article focuses on the analysis of Russian and Hungarian verbs, formed by means of prefixes in different local-directive meanings from motivating (non-prefixal) verbs – names of the typical kinds and modes of an independent (self-controlled) moving made by living beings. A role of such factors as “conceptual-pragmatic appraisal of moving”, “possibility of its characterization on the basis «vector/non-vector»”, regulating the prefix-valency of motivating verbs in both of languages, is investigated.

Key words: conceptualization of moving, prefixal-directive markers.

Одержано 15.03.2013 р.